

К. ПАУСТОВСКИЙ
**АРТЕЛЬНЫЕ
МУЖИЧКИ**

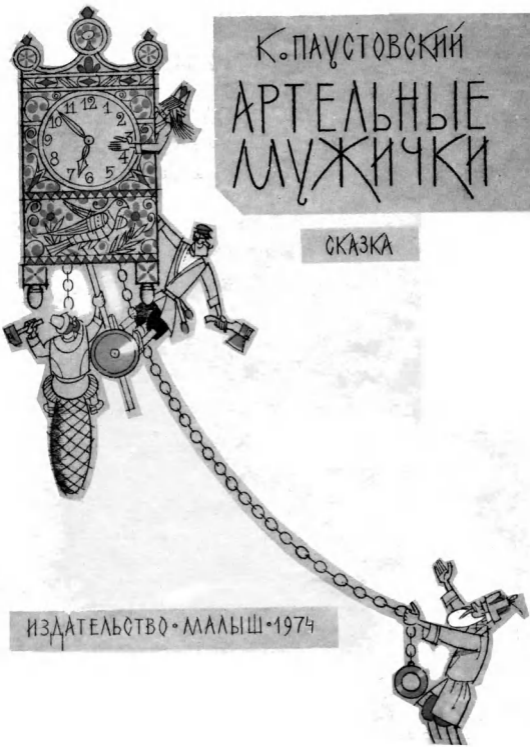

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» 1974

К. ПАУСТОВСКИЙ
АРТЕЛЬНЫЕ
МУЖИЧКИ

СКАЗКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО • МАЛЫШ • 1974

В АРЯ проснулась на рассвете, прислушалась.

Небо чуть синело за оконцем избы. Во дворе, где росла старая сосна, кто-то пилил: жик-жик, жик-жик! Пилили, видно, опытные люди: пила ходила звонко, не заедала.

Варя выбежала босиком в маленькие санцы. Там было прохладно от недавней ночи.

Варя приоткрыла дверь во двор и загляделась — под сосной с натугой пилили сухую хвою бородатые мужички, каждый ростом с маленькую еловую шишку. Сосновые иглы мужички клали для распилки на козлы, связанные из чисто обструганных щепочек.

Пильщиков было четверо. Все они были в одинаковых коричневых армячках. Только бороды у мужичков отличались. У одного была рыжая, у другого — чёрная, как воронье перо, у третьего — вроде как пакля, а у четвёртого — седая.

— Здравствуйте! — тихо сказала Варя. — Вы кто же такие будете?

Мужички с еловую шишку обернулись, стащили шапки.

— Мы дровоколы из Лесного прикола, — ответили они все разом и поклонились Варе в пояс. — Не бранись, хозяйюшка, что на твоём дворе пилим. Подрядились мы со здешней жужелицей заготовить ей на зиму дрова, вот и стараемся.

— Ну что ж, — сказала Варя ласково, — старайтесь, сколько вам требуется. Мне сухой хвои не жалко. А дед Прохор у меня глуховатый и слепенький, он ничего не узнает.

— Вот правильно! — ответил седой мужичок, вытащил из-за пазухи за тесёмку высохший гриб пылевик, отсыпал из него в трубку грибного мелкого табачку и закурил. — Ежели тебе, внучка, по хозяйству чего-нибудь требуется, мы мигом сделаем. У нас артель. Берём мы недорого.

— А сколько? — спросила Варя и присела на корточки, чтобы и самой легче было мужичков разглядеть да чтобы и мужичкам не надо было задирать головы, глядя на Варю.

— Это смотря по работе, — охотно ответил рыжий мужичок. — Вот, скажем, требуется тебе забить в брёвнах ходы, что прогрызли жуки-дровосеки. И тех жучков наглухо замуровать, чтобы они не точили избу, — это одна цена. Это работа затруднительная.

— А чем затруднительная?

— Как чем? Все ходы жучины надо облазить да залепить их замазкой. Бывают такие ходы, что не продерёшься. Весь армяк изорвёшь, взмокнешь. Шут с ней, с такой работой! За неё надо брать по два ореха на каждого.

— Два не два, а полтора ореха — верная цена! — примирительно заметил седой мужичок. — Мы, внучка, можем, к примеру, залезть в ходики, почистить всю механику наждаком и протереть тряпицей. За это мы, конечно, берём по соглашению — копеек пять, а то и все шесть.

— Что там ни говори, — рассердился рыжий мужичок, — а нет хуже, как собирать муравьиные яйца. Залезешь в муравейник, елозишь там, труха в нос бьёт, а муравьи тебя так и жгут! Так и жгут! Иной как вцепится — не отдерёшь!

— А зачем их собирают, муравьиные яйца? — спросила Варя.

— Соловьиная пища. Мы их в город отправляем. На продажу.

— У меня, мужики, — сказала Варя, — работа есть, только не знаю, как вы с ней справитесь. Надо бы собрать паучью паутину, самую крепкую, шелковистую, промыть её в дождевой воде, высушить на ночном ветру, пока не погасла утренняя звезда, ссучить из этой паутины пряжу на медной прялке и сплести из той пряжи поясок. И запрясть в него золотой волос.

— Какой волос? — удивились мужички.

— Вы покурите, а я вам объясню.

Мужички прислонили звонкие пилы к сосновой шишке, сели на сломанную веточку, как на бревно, вытащили кисеты, трубочки, откашлялись, закурили, приготовились слушать.

И рассказала им Варя, как шла она из соседней деревни домой, несла баранки деду Прохору. И встретились ей в лесу два воробья. Они прыгали по осине, наскакивали друг на дру-

га, да так лихо, что с веток дождём сыпались красные листья. Из норы под осиной высунулась лесная мышь, заругалась на воробьёв: «Ах вы, говорит, разбойники! Что же это вы раньше времени сухой лист с дерев обиваете! Совести у вас нисколько нету!»

— Это верно! — заметил мужичок с бородой вроде как пакля. — Лесная мышь палого листа не любит. Как пойдёт по лесам листопад, она из норы не выходит. Сидит тряётся.

— Это как понимать? — спросил рыжий мужичок. — Чего ты плетёшь?

— Мышь-то по земле бегает? Ай нет?

— Ну, бегает.

— А ворон или, скажем, коршун над лесом кружит и её караулит. Чтобы схватить и унести. Караулит ай нет?

— Ну, караулит.

— Вот и соображай. Летом мышь в траве хоронится, её не видать. А осенью бежит она по сухому листу. Лист трещит, шуршит, шевелится, — её, эту мышь, издали видно. Уж на что ворона дура — и та её сразу изловит. Выходит, значит, что мыши для безопасности надо в норе сидеть, пока не присыплет землю снегом. Она тогда под снегом тропки себе пророет и опять бегает взад-вперёд. Никакой глаз её не приметит.

— То-то! — сказал седой мужичок. — У всякого зверя своё соображение. Так, говоришь, внучка, крепко дрались те воробьи?

— Прямо ужас как дрались! — вздохнула Варя. — Рвут друг у друга из клюва золотой волосок. А я всё гляжу. Рвали они его, рвали да и уронили. Упал он на пенёк и зазвенел. Схватила я тот волосок, сунула

за пазуху — и ну бежать! Ну бежать! Прибегла домой, а дед Прохор и говорит: «Это волосок особенный. За нашими, говорит, пущами да озёрами находится, говорит, дальний край. В том краю вот уже второй год зимы, весны и лета не было, а стоит одна осень. Весь год там, говорит, лес стоит облетелый, чёрный, и что ни день, то льют ненастные дожди. Живёт в той стране, говорит, девушка, по имени Маша, с золотыми косами. Заперта она в горнице, и сторожат её три волка с пугачами и двадцать два барсука с вострыми казацкими пиками. Это, говорит, её волос попал к тебе в руки. И с тем волосом, ежели вплести его в пояс, можно свершить такие чудеса, что и во сне не приснятся».

Кто-то хихикнул у Вари за спиной. Варя обернулась и увидела старую толстую жужелицу. Она пищала от смеха и вытирала лапкой слезящиеся глаза.

— Ты чего смеёшься? — рассердилась Варя. — Ай не веришь?

Жужелица перевела дух, перестала смеяться.

— Уж истинно говорят, что старый — дурее, чем малый. Чего только твой дед не выдумает. Помирать ему время, а у него на уме одно баловство.

— Дед Прохор зря говорить не станет, — ответила Варя. — Ты не вправе на деда ругаться.

— А ты вправе, — зашипела жужелица, — пыльщикам моим пажуроки¹ забивать своими побасками²! Ишь расселись, уши развесили! Я им плачу подённо по три ячменных зерна на душу, а они тут разговорами прохлаждаются! Нашлись господа!

— Как три зерна?! — закричал рыжий мужичок. — Мы рядились за четыре. Это, братцы, обман! На это мы не согласные!

— Не согласные! — закричали все мужички.

— Подумаешь, какие самостоятельные! — пропищала жужелица. — От горшка три вершка, в дождь все четверо под одним грибом прячетесь, а шумите будто полномерные мужики!

— Ох, старуха! — покачал головой седой мужичок. — Небось каждый день молишься, поклоны перед иконой бьёшь, а пот с рабочих людей выжимаешь.

Рыжий мужичок сплюнул, сорвал в сердцах шапку, швырнул её на землю, засучил рукава армячка и подступил к жужелице.

— Уйди, — сказал он, — пока я не потрянул тебя по-своему! Сквалыга!

— Это ты-то?

— Я-то!

— Меня? Жужелицу?

— А то кого же?

— Ты, брат, смотри!

— Ты сама смотри! Уйдёшь? Ай нет?

— Ну, ну, не замахивайся!

Жужелица пискнула от злости и побежала к старому пню — там у неё была нора. На бегу она обернулась, крикнула:

— Я этого вам не забуду! Раскаетесь!

— Сама себе дрова пили за три ячменных зерна. Богомолка! Седой мужичок только покачал головой.

— Вот мы с жужелицей и разругались. Значит, свободно теперь с тобой можем рядиться, внуча. Рассказывай, в чём твоё дело.

— А мне что рассказывать! — зашпешила Варя. — Дед Прохор говорит, что крепко голодует народ в той стране.

— Известно! — согласился мужичок с чёрной бородой. — Как не голодовать! Что от такой осени проку? Всё помокло, погнило. А новое не родится.

— Палым листом тоже несладко питаться, — добавил рыжий мужичок.

— Вот беда! — вздохнул мужичок с бородой вроде как пакля. — Пропадают, значит, людишки!

— Ох и пропадают! — вздохнула Варя. — Ох и пропадают, дяденька! Как капустные черви. А всё почему? Потому что тамошние мужики вольные да справедливые. Пришёл к ним из соседней заморской страны властелин. Рыжий, злой, гугнивый³. И глаз у него от винища красный. Пришёл со своим поганим войском. И хотел взять тех мужиков под свою руку. А они не поддались. Тогда властелин этот самый осерчал ужасно, разругался, растопался. «Я, кричит, вас уморю!»

А в той стране в ту пору гостила осень. С виду она вроде как наша деревенская девушка, и зовут её Машей. Волосы у неё золотые-золотые, и ходит она в безрукавке на беличьем меху. Время уже шло к зиме, пора было осени уходить в другие страны, пора было уступить место старухе зиме, да не тут-то было! Приказал властелин своей страже схватить Машу, никуда не выпускать из той страны и запереть её в крепкой избе на долгие годы. «Пусть, говорит, этот строптивый народ поживёт у меня без зимы, весны и лета, без произрастания хлебов да без урожая. Небось, говорит, через два-три года смирятся, станут мне в ноги кланяться, прощения просить».

— Та-ак! — пробормотал седой старичок. — Значит, в темнице она, осень.

— Освободить её надо, — сказала Варя.

— Это мы и без тебя понимаем! — закричал рыжий мужичок. — Ослобонить! Какая шустрая нашлась. Вот ты сама пойд и ослобони. Только как?

— Дед Прохор сказал, что надо бы сплести из паутины пояс с золотым волосом и доставить его Маше. Как она его наденет, тут же волки падут на землю, издохнут, а барсуки дружку пиками переколют. Вот я и надумала: не взялась бы ваша артель за это дело? Уж очень вы неприметные. Вам даже во выюшку влезть ничего не стоит.

Седой мужичок встал, снял шапку, спросил:

— Ну что ж, артель? Соглашаемся?

— Соглашаемся! — закричали все мужички.

— На своих харчах?

— На своих.

— Тогда передохнём малость, заправимся и пойдём.

Варя провела мужичков в пустой улей, валявшийся позади избы, и для первого дня принесла им туда хозяйский полдник — горсть жареного овса и кусочек творогу. Мужички сытно, не торопясь, поели, потом разулись, улеглись поспать перед трудным делом. Укрылись армячками и так захрапели, что даже шмели притихли и начали слушать: что это за гуд такой несётся из улья? Уж не враг ли какой туда забрался и точит на оселке еловые иглы, чтобы теми иглами с ними, со шмелями, биться?

Шмели послушали-послушали и полетели в сосновый бор прятаться на всякий случай в трухлявые пни.

Вечером, когда дед Прохор уснул, мужички смотали паутину, что висела в амбаре и в сенцах, промыли её в бадееке с дождевой водой, просушили на ветру, пока не погасла на рассветном небе утренняя звезда, ссучили из той паутины пряжу на медной прялке и сплели поясок. И пропустили через него золотой волос.

— Испытать бы надо поясок, — сказали мужички Варю. — Чтобы конфуза не получилась.

— Ой, мужички! — испугалась Варя. — Да как же его испытаешь! Дед Прохор говорит, что в наших человеческих руках тот поясок только два чуда может сделать, не более. Потом он силу теряет. А в Машиных руках он опять силу наберёт и всё делает.

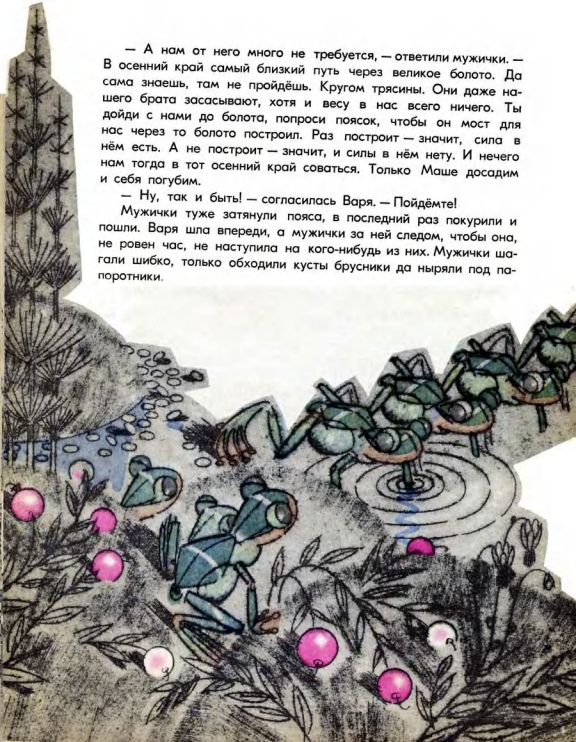

— А нам от него много не требуется, — ответили мужички. — В осенний край самый близкий путь через великое болото. Да сама знаешь, там не пройдёшь. Кругом трясины. Они даже нашего брата засасывают, хотя и весу в нас всего ничего. Ты дойди с нами до болота, попроси поясок, чтобы он мост для нас через то болото построил. Раз построит — значит, сила в нём есть. А не построит — значит, и силы в нём нету. И нечего нам тогда в тот осенний край соваться. Только Маше досадим и себя погубим.

— Ну, так и быть! — согласилась Варя. — Пойдёмте!

Мужички ту же затянули пояс, в последний раз покурили и пошли. Варя шла впереди, а мужички за ней следом, чтобы она, не ровен час, не наступила на кого-нибудь из них. Мужички шагали шибко, только обходили кусты брусники да ныряли под папоротники.

На самой заре подошли к болоту.
Варя вынула поясок, повязалась им, попросила:
— Поясок, милый дружок, построй через болото

мосток!

Не успела она сказать эти слова, как вынырнули из ржавой воды зелёные лягушата. Было их великое множество, — может быть, тысяча, а то и все три. Лягушата растянулись цепью через болото, прижались друг к дружке, подставили спинки и кричат:

— Шагайте, мужички, смело! Мы вас не утопим!

— Ну что ж! — сказали Варя мужички. — Мы, пожалуй, пойдём. А тебе придётся тут дожидаться. Давай нам поясок и прощай!

Варя отдала мужичкам поясок, и они ушли, даже ни разу не оглянулись. Да куда там оглядываться, когда надо смотреть под ноги, чтобы не поскользнуться на мокром лягушонке и не ухнуть с головой в трясину.

Мужички ушли, а Варя осталась. Ждала она мужичков до вечера, а их всё нет и нет. Варя испугалась: уж не пропали ли мужички, не нарвались ли они на волков да барсуков и те их всех до одного перекололи?

Варя подумала-подумала и рассказала деду Прохору всё, что случилось.

— Эх ты, глупенькая! — сказал дед Прохор. — Да нешто твои мужички с еловую шишку с таким делом сладят? Они же махонькие, маломерные. Заместо силы у них одна незаметность. Наверняка стража их поймала. Пропали тогда эти отчаянные мужички, да и Маше худо придётся.

— Что же делать, дедушка? — испуганно спросила Варя.

— Народ созывать, — ответил дед. — Всем миром надо собраться и идти выручать твоих мужичков и Машу. Беги, скликай людей на выгон. С вилами, с косами, с дрекольем, а у ко-го есть, так и с дробовиками.

— Сейчас, дедушка! — крикнула Варя и выскочила из избы.

А с мужичками случилось вот что: когда взошло солнце и стали таять-редеть туманы, дошли, наконец, мужички до осеннего края, остановились на песчаном бугре, долго глядели вокруг и только вздыхали, — не приходилось им на своём веку видеть такую страну.

День, как на грех, выдался погожий, и до самого края земли стояли жёлтые леса и шеле-стели посохшей листвой. Все ле-са были запутаны паутиной, и на той паутине висела роса.

Мужички попили росы. Каждому хватало по две капли, только рыжий выпил все три. Потом они вытерли усы, крякнули: ну и вкусна же вода! Да и то сказать, — роса легла ночью, а ночь была по-осеннему холодная, ясная, переливалась звёздами, дышала повялыми травами, и потому в каждой росинке был запрятан ночной холодок, запах травы и тихий блеск, будто отражение небесной звезды.

По всему было видно, что осень в этом краю затяжная, тяжёлая. На полянах ветер намёл столько гнилой листвы, что мужички проваливались в неё с головой — идти было почти невозможно. Поля стояли бурые, пустые, а в деревнях редко-редко струился к небу дымок из печей.

— Видать, что и варить здешним людям уже нечего, — тихо переговаривались мужички. — Всё начисто проели. Сколько деревень мы прошли по задам, а ни разу не слышали, чтобы ко-

рова замычала или даже петух прокричал. Будто вымерло всё. Дай ему волю, этому подлому властелину, он наверняка всю землю опустошит, род людской пустит по миру.

Мужички шли, конечно, с опаской. Чуть кого-нибудь заметят — тотчас прячутся. Больше хоронились они в следы от лошадиных копыт.

Чем дальше шли мужички, тем темнее делалась осень. В лесах было холодно, тихо под тучами, и красный лист, что ещё не всюду осыпался, висел понуро на мшистых ветвях.

Шли мужички через лес, как откуда ни возьмись ударил вдруг страшный ветер, сорвал всю листву, закружил её и понёс проливнем⁴. И стал задувать всё сильнее, всё крепче, покуда не поднял мужичков на воздух и не понёс их вместе с листьями обратно к Великому болоту. Мужички испугались, летят, хватаются за ветки. Да разве удержишься при таком напоре!

Рыжий мужичок на лету перевернулся несколько раз, закричал:

— Это, братцы, неспроста! Ветер наслал на нас властелин, чтобы отшибить нас обратно, нам воспрепятствовать.

— Откуда же он дознался про нас? — прокричал мужичок с чёрной бородой

— Жужелица наябедничала, заслала к нему своих приживалок. Они бегают шибче нас.

— Ой, дружки! — закричал мужичок с бородой вроде как пакля. — Несёт нас в болото. Утопимся! Дед, у тебя поясок с золотым волоском. Попроси его. Может, спасёт нас.

Седой мужичок торопливо вытащил из кармана поясок, опоясался им, крикнул:

— Поясок, будь дружок, прекрати ветерок!

— Стой! Не так просишь! — сердито закричал рыжий. — Это с какой же стати нам опять с Великого болота переться, ноги уродовать? Ты проси, чтобы ветер повернул обратно и нас до самой Маши донёс.

Седой мужичок сообразил, закричал наново:

— Поясок, будь дружок, поверни ветерок! Пусть донесёт нас до самых Машинных ног!

И тут ветер завыл, загудел, начал на полном бегу заворачивать, вздул к небу столько листьев, что понеслись они над землёй, как красная туча, застили небо.

Теперь летят уже мужички куда надо, но только на душе у них всё равно беспокойно. Надеялись они, что поясок поможет им волков и барсуков победить, да вышло не так. Два чуда — с лягушатами и ветром — поясок уже сделал, а третьего не сделает, — силу свою он уже потерял. Теперь только Маша может пояску силу эту вернуть. Придётся, значит, с Машинной стражей биться им, мужичкам, не на живот, а на смерть.

Летят наши мужички, вниз поглядывают, а там проносятся леса, реки, озёра, деревни, и видно, как народ выбегает из домов и дивится на листовые красные тучи.

Вскоре заблестела за лесом тесовая крыша, ветер стал затихать и опустил мужичков на поляну около чёрного частокола.

Сидят мужички, одурели от полёта, а лист, как только ветер затих, так всё и сыплется на них, всё сыплется и вскоре всех их засыпал, прикрыл. Тепло под этим листом и безопасно.

Мужички отдышались и стали соображать, как им ловчее через частокол перелезть и стражу обмануть. Потому что, как ни крути, а драться им теперь было не с руки. Драку надо было оттянуть на самый худой конец.

Сидят они, рассуждают всю ночь, а к утру слышат, кто-то ходит по сухому листу, гребёт его, будто ищет чего-то. Переглянулись мужички, а рыжий шепчет:

— Слыхали? Это нас ищут.

— Чего же делать? — спрашивают мужички.

— Я изо всех вас, — тихо отвечает рыжий, — самый отчаянный. Мне всё нипочём!

— Это верно! — согласились мужички. — Отчаянности в тебе много.

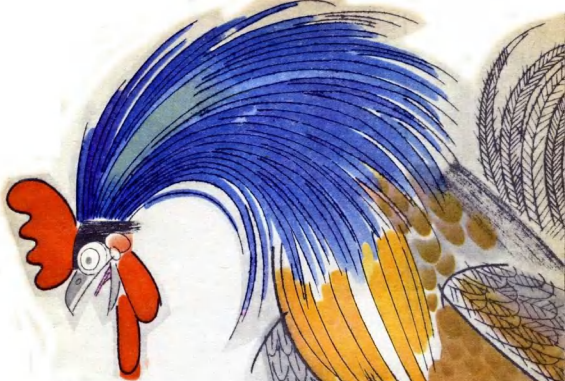
— И опять же, вёрткий я человек, горячий. И удар у меня очень даже сильный. Я как возьму топор, так за один мах ячменный стебель перерубаю. А вы пять минут бьёте, покуда тот стебель осилите.

— Ну что ж, — вздохнули мужички. — И это, брат, верно.

— А потому, — важно сказал рыжий мужичок, — тот поясок вы отдайте мне. В случае чего я один отобьюсь от всех волков да барсуков.

— Эх, Митрий! — вздохнул седой мужичок. — Стар я стал, ослаб, а то бы нипочём тебе того пояска не отдал. Да ещё бы и оттащил тебя за бороду за бахвальство твоё. Бери поясок.

Рыжий взял пояс, свернул, засунул за пазуху. В тот же миг над головой у мужичков листья зашумели, и просунулась к мужичкам петушина голова. Глаз у петуха был злой, круглый, а голос сиплый, — видно, что нрав у петуха сварливый, грубый. Лучше с таким петухом не связываться.

— Что за жуки? — спросил петух. — Я таких сроду не видывал. И не склёвывал. Это очень даже мне интересно!

Мужички схватились было бежать, но петух быстро разгрёб лапами листья, и седой мужичок вместе с чёрным и с тем, что отпустил себе бороду вроде как пакля, подвернулись под петушиные лапы, полетели в пыль, а рыжего мужичка петух так долбанул по спине, что тот только охнул.

Петух схватил его за армячок, зажал в клюве, помчался размашистым бегом к частоколу, протиснулся в дыру между брёвен, пробежал через двор — и прямо в горницу к Маше, чтобы там на свободе непонятого жука с рыжей бородой заклевать.

«А то начнёшь клевать во дворе, — соображал петух, — тотчас привяжутся стражники — барсуки: что это, мол, за жук такой, да где ты его взял, да отдай его нам, да чего ты тут со своим жуком мусоришь да так его клювом долбишь, что начальника нашего караула, волка, по имени Клык, разбудишь, и нам за то нагорит».

Через двор мимо стражи петух пробежал, конечно, рысью, а в горницу к Маше вошёл важно: подымет одну лапу, постоит, шагнёт, подымет другую лапу, опять постоит... Петух был с Машей обходительный, — она каждый день кормила его крошками.

Кинул петух рыжего мужичка на пол, только собрался клюнуть его покрепче, как рыжий мужичок вскочил, кинулся к Маше.

— Спаси меня, красавица!

— Да ты кто? — испугалась Маша.

— Да я вроде как твой спаситель, — поспешно ответил рыжий мужичок, схватился за подол Машиного платья, а сам на петуха озирается.

А петух глядит на него одним глазом и сбоку подходит.

Маша топнула на петуха ногой, петух взлетел в оконце, забил крыльями, заорал, сорвался во двор и тотчас начал болтать с барсуками, рассказывать им, как он, петух, опростоволосился—чуть не склевал человека.

Барсуки встревожились, кинулись будить волка, по имени Клык, да было уже поздно.

Рыжий вытащил из-за пазухи пояс, сунул его поскорей в руку Маше. Она тотчас опоясалась тем пояском, и волки враз зарычали и тут же издохли, а барсуки бросились было спасаться, да сбились в кучу около калитки, потому что каждому, конечно, хотелось пролезть в неё первым. Затолкались барсуки, заругались и начали драться. И перекололи друг друга острыми казацкими пиками.

Маша подняла рыжего мужичка с пола, посадила себе на ладонь, и он ей всё рассказал—и про Варю, и про своих товарищей по артели, и про то, как подрядились они с Варей освободить Машу-осень от властелина и воротить людям зиму, весну и лето, чтобы снова начала родить земля богатые урожаи.

Маша приказала рыжему мужичку позвать всех остальных, чтобы попили чайку, отдохнули. Рыжий вышел на крылечко, крикнул:

— Эй вы, маломощные! Ступайте сюда перед светлые-пресветлые очи Маши-красавицы! Она вас чайком желает угостить и даст каждому по сто маковых зёрен с мелким сахаром.

Так оно и было. Мужички пришли в горницу, Маша усадила их на стол, угостила, чем обещала, а мужички проглядели на неё все глаза: уж больно хороша была Маша — косы отливают таким золотом, что от них светится вся горница, глаза синие, будто небеса над ржаными полями, голос говорливый, как ручей, и вся она тоненькая, как травинка.

— А не принёс бы тебя, рыженького, петух в клюве, — спросила Маша, — чего бы вы делали?

Мужички разом встали, поклонились в пояс Маше, ответили:

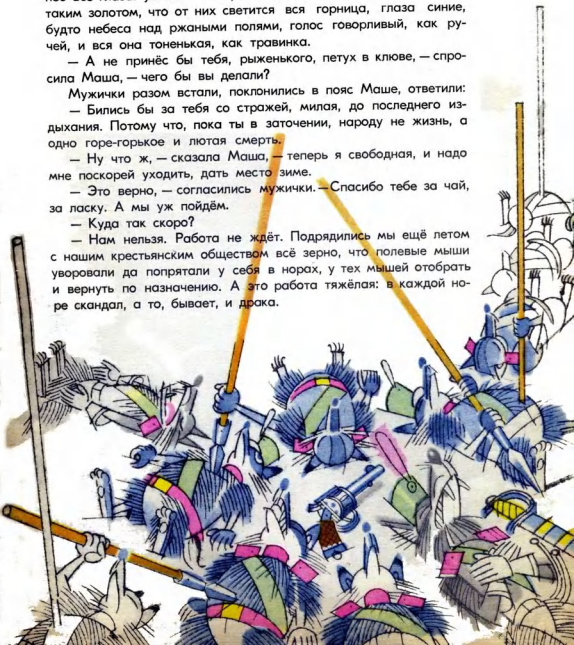
— Бились бы за тебя со стражей, милая, до последнего издыхания. Потому что, пока ты в заточении, народу не жизнь, а одно горе-горькое и лютая смерть.

— Ну что ж, — сказала Маша, — теперь я свободная, и надо мне поскорей уходить, дать место зиме.

— Это верно, — согласились мужички. — Спасибо тебе за чай, за ласку. А мы уж пойдём.

— Куда так скоро?

— Нам нельзя. Работа не ждёт. Подрядились мы ещё летом с нашим крестьянским обществом всё зерно, что полевые мыши уворовали да попрятали у себя в норах, у тех мышей отобрать и вернуть по назначению. А это работа тяжёлая: в каждой норе скандал, а то, бывает, и драка.

— Ну, если так, то идите. Спасибо вам и Варе великое. От себя и от людей.

— Не стоит вашей благодарности, — ответили мужички. — Будьте благополучны, красота вашей чести!

Мужички откланялись и ушли. Не успели они отойти и триста шагов, как небо затянулось тучами и из тех тёмных туч посыпался снег. Что ни час, то снег делался всё гуще, обильнее, тяжелее. Сквозь него уже плохо стало видно дорогу. Всё побелело вокруг, только лес ещё горел кое-где над снегами последними золотыми листочками

Мужичкам стало холодно. Зашагали они быстрее, а на самой границе осеннего края увидели вдалеке большую толпу людей. Люди шли с косами, с вилами, с топорами, со всяким дрекольем, а иные держали наготове старые дробовики из воронёной стали.

Впереди толпы мужички увидели Варю. Узнали они её по румянцу на щеках и по красному платочку, накинутому на голову.

Остановились мужички, сняли шапки перед обществом, поклонились ему в пояс.

— Благодарение за подмогу. Только мы и сами справились, ослобонили Машу-осень из заточения.

Все люди тоже сняли шапки, ответно поблагодарили и поздравили мужичков с еловую шишку с полным успехом и стали зазывать их по избам — погреться и выкушать чем бог послал.

В каждой избе мужичков привечали и угощали то калёными орешками, то подсолнушками, то маком, то изюмом. А в одной избе мужички даже выпили по напёрстку вина и закусили его мочёной брусникой.

Варя дала им напоследок махорки, и мужички, сытые и весёлые, пошли в лес, где они обитали в старом тёплом дупле,— отдохнуть перед новой работой.

Они шли, оглядывались, кланялись, а Варя махала им вслед варежкой и кричала:

— Спасибо вам, милые!

А с неба уже валил такой снег, что было трудно дышать. Отдышаться от такого снега можно было только под старыми елями. Но мужички и не думали прятаться от снега. Они шли обнявшись, покачиваясь и пели на радостях во весь голос любимую свою песню:

Вот мчится тройка почтовая
Вдоль по дорожке столбовой.
И колокольчик — дар Валдая —
Гудит уныло под дугой...

Варя смотрела им вслед и слушала звонкую песню, что затихала за пеленой густого ласкового снега.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Паморока — потеря памяти, сознания; здесь — ум, голова, память.

² Побаски — короткие рассказы, прибаутки, поговорки.

³ Гугнивый — гнусавый, тот, кто говорит в нос, невнятно.

⁴ Проливень — ливень — сильный дождь; здесь — внезапный сильный порыв.

